

АНДРЕЙ МАЙДАНСКИЙ

Как разлагалась мысль

«Начнем с конца», как советовал Маркс, повествуя о «разложении рикардианской школы». Только наша повесть — о разложении школы *ильенковской*, она же и есть школа самого Маркса, марксизм в собственном соку.

Рикардианской школе наступил конец, когда было утрачено *понятие труда* как субстанции стоимости. Некоторые ученики Ильенкова пошли дальше: заодно с понятием труда утерали понятия *мышления* и *идеального*.

Недавно в руки мне попал совсем свежий том работ об Ильенкове и материалов из архива философа. В этой книге один почтенный профессор, ученик Ильенкова, решил «в контексте мировой философии» воскресить наш с ним давний спор о понятии «мыслящего тела» (так в «Диалектической логике» Ильенков истолковал Спинозовскую «мыслящую вещь», *res cogitans*). Из природной деликатности или же по иным причинам автор не пожелал упомянуть мое имя — «назовем его историком», предложил он. Что ж, в порядке ответной любезности назовем автора «герменевтиком», имея в виду его любимый девиз: «видеть сквозь тексты». Под этим флагом всё ему лично непонятное и кажущееся ошибочным герменевтик толкует в иносказательном смысле, или просто игнорирует — как «сухую шкурку мысли», или же списывает на «муки слова» и «шрамы языка, полученные в борьбе с мыслью» (эти герменевтики знают толк в тропах).

К примеру, слова «труд создал человека» герменевтик воспрещает читать буквально. Аксиома материалистического понимания истории, оказывается, не что иное как аллегория. Не труд — субстанция-субъект всемирной истории, но «живое тело», умеющее трудиться. Оно же, это живое тело, есть и субъект мышления. Истинными субъектами всего и вся у нашего герменевтического материалиста бывают одни лишь тела, «сόμε». Все прочее — труд, душа, идеальное, — является «лишь свойством, предикатом, атрибутом тела».

Последняя фраза сказана о *мышлении* и принадлежит ильенковскому «Спинозе»¹, в котором герменевтику нравится видеть альтер эго Ильенкова. Хотя Ильенков-то, в самом конце очерка, своего Спинозу счел нужным *от имени Маркса* исправить: «Труд — процесс изменения природы действием общественного человека — и есть “субъект”, коему принадлежит “мышление” в качестве “предиката”»².

Истинный субъект мышления — труд. И субъект процесса труда отнюдь не «живое тело», у Ильенкова это — «общественный человек». То есть человек, понятый как «ансамбль общественных отношений», трудящийся *посредством* тела и, наравне с телом, души. На мои письменные просьбы разъяснить смысл той марксистской поправки к Спинозе герменевтик отвечал, по примеру Будды, «благородным молчанием». Да и что тут скажешь? Если вместе с Ильенковым признать *труд* субъектом мышления, то что останется от «мыслящего тела»? Словесная «шкурка», и только.

Рикардианец Мак-Куллох избавился от противоречий трудовой теории стоимости, распространив понятие труда на действия животных и сил природы. Маркс видит в этом «вульгаризацию теории Рикардо и самый жалкий образчик ее разложения». Знал бы он, что сто лет спустя *его собственные* последователи, марксисты, распространят на действия животных и сил природы понятия мышления и идеального...

У ильенковцев нашелся свой Мак-Куллох³. «Идеальность», которую Ильенков считал «своеобразной печатью, наложенной на вещество природы *общественно-человеческой* жизнедеятельностью»⁴, его ученик толкует как синоним целесообразности вообще, присущей буквально всякому *природному* веществу. Диалектика идеального разлагается герменевтиком в «онтологию», цветисто повествующую, как все на свете, живые и неживые, тела — кристалл в растворе и зеленый росток, Гамлет и камчатской лосось, мокрый младенец и Дон Кихот — в едином порыве следуют «закону невероятности»⁵.

Ровно то же самое проделал Мак-Куллох с рикардианским понятием труда: распространил его на любые *природные* процессы, «вызывающие какой-нибудь желаемый результат» — целесообразные. Такая вот телеология. А, как уверяет профессор-ильенковец, «телеологический способ рассуждения — штука серьезная»⁶. Не так плосок Вольф, как его малюют.

¹ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1974. С. 23.

² Там же. С. 54.

³ Оговорюсь, что параллель эта справедлива лишь в отношении его позднего, «герменевтического» периода творчества. В молодости, ровно 40 лет тому назад, этот человек написал одну из лучших в двадцатом столетии книг по логике.

⁴ Диалектика идеального // Наст. изд. Курсив мой. — А. М.

⁵ «Онтология» идеального // Ильенковские чтения 2006. Киев: НАУ, 2006. С. 28–34.

⁶ Там же. С. 30. Далее по тексту: «А так ли уж это глупо — та самая плоская вольфовская телеология? Ведь кошки без мыши нет, как и мыши без кошки, что поделаешь — пищевая цепочка!».

Две разные сущности представляются, воплощаются одна в другой — это и есть «то самое, что Ильенков называл идеальным», — разъясняет нам герменевтик. Тут он, взирая по привычке «сквозь текст», проглядел самую суть: идеальным является, по Ильенкову, только то «представление», которое совершается в природных вещах посредством *человеческой деятельности*.

«Идеальное есть поэтому не что иное, как форма вещи, но вне вещи, а именно в человеке, в форме его активной деятельности существующая, *общественно-определенная форма активности человеческого существа*», — не жалея курсива писал Ильенков⁷.

Загадочным образом эта ключевая дефиниция идеального исчезла, испарилась из второго, посмертного издания «Диалектической логики». А к печати книгу готовил не кто иной, как наш герменевтик. В подобных случаях юристы рефлекторно спрашивают: кому выгодно? Так вот, похоже, что та пропажа текста вышла на руку любителям искать идеальное у лососей и мокрых младенцев...

Упаси нас Субстанция видеть в этой лакуне чью-то злую «телеологию». Из второго издания было выброшено великое множество ильенковских строк, не говоря уже о подлоге категорий (больше всех пострадало «тождество») и тотальной стилистической правке. Могла дефиниция идеального выпасть из верстки нечаянно, пропасть без вести — по «закону невероятности». Зато уцелела примыкающая к ней фраза Ильенкова:

«В природе самой по себе... идеального нет».

Странно только, что онтолог, *утверждая ровно обратное*, да есть же, есть идеальное в природе! — клянется именем Ильенкова в каждой пятой строке. Русским языком Учитель ему внушал: «“Идеальное” существует только в человеке. Вне человека и помимо него никакого “идеального” нет»⁸. Так нет, ему милее сумчатые белки с Зеленого континента (в примерах идеальностей онтолог, как атом, неисчерпаем). И все бы ничего — зверек и впрямь мил, — но сей «природный идеалист» мнит себя наследником заветных дум Ильенкова и охранителем их от зловердных посягательств «историка».

По одному, пусть и влиятельному, мак-куллоху нельзя умозаключать о разложении целой школы, — возразит рассудительный читатель. Само собой. Посильный вклад в это дело внесли и гости школы — «натурэстетики» лифшицеанцы, и один непримиримый критик культурно-исторической теории мышления — назовем его «зоопсихологом». В его диссертации «мышление» сперва редуцируется к «психике»⁹, после че-

⁷ Диалектическая логика. С. 189.

⁸ Диалектика идеального // Наст. изд.

⁹ Там прямо так и пишется, не раз и не два: «мышление (психика)». Причем пишет-ся это как бы от имени Л. С. Выготского, которому подобное тождество и в страшном сне не снилось.

го разговор плавно перетекает на «мыслящее тело животного». Мы же не картезианцы какие-нибудь, чтобы тварей живых считать бездушными машинами, «стимул-реактивными марионетками». Ну а раз имеется в живом теле душа, психика, смело пишем в скобках: «мышление». Вот и «мыслящее тело» образовалось. На очереди истории о мыслящем дятле и лисьих «знаниях» заячьих «хитростей»...

Поместив те «знания» и «хитрости» в кавычки, зоопсихолог проявил несвойственную ему, вообще-то, теоретическую робость. Мышление он без всяких кавычек дятлам пожаловал. Мыслит себе дятел, мыслит, а знать ничего не знает. Разве что в кавычках. Настоящие знания к нему нейдут, как ни долби по дереву «мыслящим телом».

И эти зоопсихологические открытия тоже освящаются именем Ильенкова, хотя тот черным по белому писал, что *мышление впервые рождается в процессе труда*, в работе человеческих рук. Где нет труда, там нет и быть не может мышления. Мышление — это *форма труда*, его идеальный момент.

«Мысль и мышление рождаются с необходимостью (а не по чуду) только на основе труда, в ходе предметной деятельности, преобразующей всю природу, включая сюда и природу того тела, в котором в конце концов просыпается мышление»¹⁰.

Никакая мысль в животном, не тронutom трудом теле не рождается и не просыпается. «Основой», субстанцией мышления является труд!

Ну а сам труд есть *общественное отношение* человека к природе и к самому себе. Потому и мысль вся насквозь общественна. «Способность использовать свой мозг для мышления, — так же, как и руки для труда, как язык для говорения, — это от начала до конца, на все сто процентов, *общественный продукт*, деятельная функция *общественного* человека... Сам *мыслящий* индивидум — только орган этой системы [общественных отношений]»¹¹.

Эти слова, казалось бы, начисто исключают редукцию мышления к психике животных. Но разве словами смутить умельцев «видеть сквозь тексты»?.. Тень Мак-Куллоха бродит по классам ильенковской школы. Коль скоро «идеальное» движет лососем, кто вправе отказать в «мышлении» дятлам? Писания шотландца о «труде» домашних животных в этом свете выглядят старомодной банальностью. Рядом с мыслителем дятлом жалок трудяга вол.

Известным оправданием для «природных идеалистов» может служить то обстоятельство, что Ильенков собственноручно нарисовал им вождя — «Спинозу» из очерка 2. Дело не в том, что для Спинозы абсолютно неприемлемо понимание мышления, высказанное от его имени

¹⁰ Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968. С. 238–239.

¹¹ Арсеньев А. С., Ильенков Э. В., Давыдов В. В. Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука. Москва: Наука, 1966. С. 267.

Ильенковым. Такие ошибки не редкость. Но и для самого Ильенкова неприемлемо понимание мышления как «лишь свойства, предиката, атрибута тела», «лишь способа существования тел»¹². Ильенков всегда считал мышление способом существования «ансамбля общественных отношений», который *идеально представлен* в том или ином органическом теле.

Вообще, для «умного материалиста»¹³ мышление есть способ существования *не тел, а материи*. Само тело — лишь один из способов (по-латынски, «модусов») существования материи. А мысль — иной, *бестелесный, идеальный* «модус» ее бытия. Для материалиста же «неумного», эмпирика à la Гоббс или Гассенди, «материя» — эквивалент «тела», эти два слова просто синонимы.

Согласно Спинозе, «мыслить» значит «создавать идеи» (*ideas formare*). Так может ли модус протяжения, тело, создавать модусы мышления, идеи? Нет и еще раз нет! «Из телесных движений» (*a motibus corporeis*), пишет Спиноза, возникают лишь *телесные образы* (*imagines corporeae*) — не идеи! Идеи суть модусы мышления, а образы же — модусы протяжения, посему между ними «следует делать тщательное различие»¹⁴.

Рассуждения ильенковского псевдо-Спинозы о том, как движущееся по чужому контуру тело «создает адекватную идею», покоятся на смешении идей с «телесными образами», то есть идеального — с материальным. Смешении, против которого настоятельно предостерегает «Этика» и с которым так страстно бился сам Ильенков в «Диалектике идеального».

Вслед за ясным различием материального и идеального — образа и идеи — тотчас исчезает принципиальная разница между действиями человека и животного, между «вещью мыслящей» и «глупейшим ослом». Ильенков сделал очень логичный для своего «Спинозы» вывод: «Действия животных, особенно высших, также подходят, хотя и *в ограниченной степени*, под спинозовское определение мышления»¹⁵. Тела животных тоже немножко «мыслящие», просто *степень* мышления тут «ограничена» — животные мысли помельче человеческих.

Ровно то же самое писал о праве животного на мысль Гассенди: «Да, бесспорно, они [животные] лишены человеческого разума, но они разумны по-своему... Разница между нами и ими в этом отношении, по видимому, лишь *чисто количественная*»¹⁶. В оригинале сказано: различие *secundum magis et minus* — в большей и меньшей степени.

У «фактического» Спинозы вульгарной редукции понятия мышления нет и в помине. Напротив, он старательнейшим образом разли-

¹² Диалектическая логика. С. 23.

¹³ Так по примеру Ленина любят сами себя величать марксисты.

¹⁴ Спиноза Б. Избранные произведения, 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 448.

¹⁵ Диалектическая логика. С. 34–35. Курсив мой. — А. М.

¹⁶ См. в кн.: Декарт Р. Сочинения. М.: Мысль, 1994. Т. 2. С. 211. Курсив мой. — А. М.

чает действия мыслящей вещи от действий животного, приобретение идей — от образного восприятия «контуров». С этой целью Спиноза и обращается к примеру Буридана, соглашаясь со старым схоластиком: в случае равнодействия внешних причин осел неминуемо гибнет. Человека же «следовало бы счесть не мыслящей вещью, но глупейшим из ослов», погибни он в подобной ситуации.

Мышление схватывает *причины* вещей. Душа животного обитает в мире пространственных контуров, а вещь мыслящая действует в мире причин и следствий. Лишь этот последний мир для Спинозы реален. Пространственные же контуры суть лишь *воображаемые формы* реальности, своего рода «объективная видимость» модусов протяжной природы, тел. «У природы нет контура, но есть у воображения» (Уильям Блэйк)¹⁷.

Так, образ круга имеется в душе и математика, и ослы, поскольку тот и другой умеют двигать свои тела по круглым контурам внешних тел. А вот о «действующей причине» (*causa efficiens*) круга — о способе его построения — осел не имеет понятия. Разница между математиком и ослом тут самая кардинальная, качественная, а не «чисто количественная», не в степени. Душа ослы воспринимает лишь *контур*, или «телесный образ», круга, а душа математика (если он не осел) образует *идею* круга — знает, как его построить.

Ильенков обратил внимание на пример с определением круга у Спинозы, дав ему абсолютно верное толкование. Он и сам понимал идеи, мысли как *способы действия*, как схемы создания и преобразования вещей. И, будучи марксистом, конкретизировал это действие как *человеческий труд*. Мышление как таковое есть труд, а высшая форма мышления, наука, по Марксу, — «всеобщий труд». Это даже для человека нелегкий труд — мыслить...

Идея труда как субстанции-субъекта мышления позволила Ильенкову продвинуться гораздо дальше Спинозы в части понимания реальных условий возникновения мыслящей души — *личности*. Тут Ильенков намного Спинозу превзошел. Не опроверг, а именно превзошел: ушел в том же самом направлении далеко вперед.

Что же такое эта «человеческая личность, по старинке называемая иногда “душой”»¹⁸, а у Спинозы именуемая «мыслящей вещью»? Неужто это *тело*, способное двигаться по любому внешнему контуру? Нет, отвечает Ильенков, «внутри тела отдельного индивида реально существует не личность, а лишь ее односторонняя (“абстрактная”) проекция на экран биологии»¹⁹. Личность — это «ансамбль отношений», лишь

¹⁷ «Nature has no outline but imagination has» (William Blake, английский поэт-романтик).

¹⁸ Ильенков Э. В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. М.: Политиздат, 1983. С. 322.

¹⁹ Там же. С. 330.

воплощенный, представленный в некоем теле, причем отнюдь не только в живом теле человека, но также и в его «неорганическом теле», как-вым для человека является «вся природа» (Маркс).

Личность есть, по определению Ильенкова, «совокупность отношений человека к самому себе как к некоему “другому”... Поэтому “телом” ее является не отдельное тело особи вида “*homo sapiens*”, а по меньшей мере два таких тела — “Я” и “Ты”, объединенных как бы в одно тело социально-человеческими узами, отношениями, взаимоотношениями»²⁰.

У личности, оказывается, *по меньшей мере два тела*. Причем личность (мыслящая душа) не является «свойством, предикатом, атрибутом» ни одного из этих тел. «Как таковая же она не внутри единичного тела, а как раз вне его, в системе реальных взаимоотношений данного единичного тела с другим таким же телом через вещи, находящиеся в пространстве между ними и замыкающие их “как бы в одно тело”, управляемое “как бы одной душой”»²¹.

Этот оборот: «как бы одна душа и одно тело» (*una quasi mens, unumque corpus*), — прямым от Спинозы²². И само это понимание души человека (= личности) у Ильенкова конгениально Спинозе. *Неподдельно* Спинозе, а не его однофамильцу-материалисту со страниц «Диалектической логики», сподвижнику Гоббса и Гассенди...

Органическое тело человека не субъект мышления, но его *объект и инструмент*: личность, пишет Ильенков, «осуществляется в органическом теле человека, превращая это тело в послушное, легко управляемое орудие»²³. Мое тело — лишь скрипка, на которой дает концерт «ансамбль общественных отношений». Без этой скрипки не было бы ни концерта, ни самого «ансамбля», и все же она инструмент, не более.

Мыслящая душа, личность — феномен *чисто идеальный*. Категория идеального задает у Ильенкова водораздел между человеческой личностью и немыслящей душой, психикой животного: «В *грамотно понимаемую* категорию “идеального” входят именно те, и только те, формы отражения, которые специфически отличают человека и совершенно несвойственны и неведомы *никакому животному*, даже и обладающему весьма высокоразвитой высшей нервной деятельностью и психикой»²⁴.

Как видим, Ильенков считает *безграмотными* разговоры о идеальном в мире животных, сколь угодно высокоразвитых. Вряд ли он мог себе представить, что тридцать лет спустя его преданный ученик запи-

²⁰ Там же. С. 329.

²¹ Там же. С. 330.

²² Спиноза Б. Этика / Избранные произведения. Т. I. С. 538.

²³ С чего начинается личность. С. 328.

²⁴ Диалектика идеального // Наст. изд. Курсив мой. — А. М.

шет в категорию идеального образ жизни лосося и кристаллическую решетку.

Что до мышления, то оно *всё целиком* «входит в категорию идеального». Мысль идеальна с головы до пят. Так спрашивается, «грамотно» ли псевдо-спинозовское определение мышления, под которое «подходят, хотя и в ограниченной степени», *действия животных*? Ответ очевиден. Ни в теле, ни в душе животного никакого мышления, и вообще чего-либо идеального, нет и не может быть. Ну а если у тебя в диссертации дятел мыслит, значит ты сам, как ученый, от дятла отличаешься «чисто количественно», лишь в некоторой (ученой) «степени».

Работы Ильенкова о личности и о диалектике идеального не оставляют камня на камне от химеры «мыслящего тела». Зато с «фактическим» Спинозой эти работы отлично гармонируют. Спинозовская дистинкция идей и «телесных образов» по существу тождественна с проводимым у Ильенкова различием между объективными идеальными формами и «субъективными образами» души.

Но вот спинозовское определение души, как «идеи тела», требует серьезной конкретизации. Если чувствующая душа (психика вообще) есть идея индивидуальной *органики* живого существа, то мыслящий дух — это сверх того еще и идея *неорганического* тела. В этом вселенском теле культуры кроются такие влечения, «аппетиты», которые не имеют ничего общего с физиологическими потребностями.

Человек мыслит лишь в той мере, в какой его действиями движут не инстинкты его органического тела, а потребность *общественная*, так сказать, *appetitus socialis*. Мышление — и вообще, идеальное — начинается там, где на место животных инстинктов встают сформированные трудом, рукотворные интересы *рода человеческого*, общества.

Эту подсказанную Марксом истину Выготский и Ильенков развили в полноценную «культурно-историческую» теорию. Тут обнаружилась реальная точка роста спинозовского учения о душе. Мало понять душу вообще как «идею тела», необходимо к этому прибавить, что у человеческой личности помимо ее органического тела имеется еще одно — искусственное, «неорганическое» тело, создаваемое трудом. Как раз это второе тело и является объектом идеи, образующей *мыслящий дух* человека, его *intellectus*. Ровно в той мере, в какой труд, эта деятельная субстанция человеческого мышления, увеличивает массив и кондиции неорганического тела человека, возрастает и его «интеллектуальное могущество или свобода»²⁵. Разум и свобода не дарованы матерью-природой ни лосося, ни дятлу, ни самому человеку. Они по капле, по крохе добываются у природы *трудом* на протяжении всей истории человечества.

Усовершенствовать учение Спинозы о мышлении можно и нужно. Так, как это делал Выготский, потом Ильенков. Однако это не отменя-

²⁵ Из заглавия финальной части «Этики»: «De potentia intellectus seu de libertate humana».

ет необходимости читать Спинозу *буквально*, с предельным вниманием и уважением к «фактическим» его словам. Увы, последнее Ильенкову удавалось далеко не всегда. Герменевтики же выдали сказанное им о Спинозе за собственные взгляды Ильенкова, игнорируя его — марксистскую — оговорку относительно истинного субъекта мышления, и его теорию идеального, и «ансамблевое» понятие личности, как Луна далекое от «мыслящего тела». Очевидно, «фактический» Ильенков герменевтикам тоже не указ. В стремлении к *буквальному* прочтению текстов им призрак «позитивизма» мерещится. Плохому герменевтику *буквы* мешают...

Школа Ильенкова разлагается. Ее «соматическое» крыло сплотилось и дружно вещает от имени Ильенкова «истины», которые Эвальд Васильевич открытым текстом отвергал и полагал безграмотными. Хорошо, что у мыслящих телом мак-куллохов нет больше возможности кромсать его книги, но сообщая им вполне по силам похоронить *школу* Ильенкова, вписав ее в свой «герменевтический круг».